

беларусы, дзякуючы ўсялякім гістарычным і палітычным безгалоўям нашай Бацькаўшчыны, вечно цягнуліся ў хвасце сваіх суседзяў (Янка Купала. Справа беларускага нацыянальнага гімна. Рунь, 1920). Пры адкрытым асуджэнні, з немагчымасці патлумачыць прычыны непрымальных паводзінаў і знайсці ім апраўданне журналіст размяжоўвае сябе і сваю аўдыторыю, адасабляецца ад яе: *Мы прывучыліся слухаць чужою каманды: чына з гузікамі, пана вяльможнага, - прывыклі цалаваць ім рукі і гнуць перад імі спіну да зямлі. І затым-та яны глядзяць на заўсёды пакорнага беларуса, як на раба, і да людзей, каторыя нават сваю мову вучыць спрабуюць, маюць толькі пагарду* (І. Мелешка. Сіла...Г, 1916). Настроенасць на кааперацыю, супрацоўе падмяняецца ў тэкставай прасторы канфрантацыйнымі тэндэнцыямі

Такім чынам, выяўленне ў журналісцкіх тэкстах пачатку ХХ стагоддзя адметных станоўчых і адмоўных рысаў у характары прадстаўнікоў нацыянальнай супольнасці абумоўлена найперш імкненнем змабілізаваць энергію народа, абудзіць нацыянальны гонар, каб вырвацца з гістарычнага замкнёнага кола і пераадолець сітуацыю «няшчаснай залежнасці».

Скарочаныя назвы перыядычных выданняў:

Б - *Беларусь*; ВБ – *Вольная Беларусь*; Г – *Нотан*; НД – *Наша думка*; НН – *Наша ніва*.

К вопросу об этнокультурном компоненте значения слова

О.А.Зинина

e-mail olgazinina@tut.by

(Минск, Беларусь)

Общечеловеческий опыт фиксируется в конкретных национальных языках, которые по-разному членят одни и те же отражения реального мира. В первую очередь, своеобразие этих картин отражено в лексической системе национального языка.

Изучение лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей дало возможность

исследователям выделить в их семантике особую социально-культурную сему или «культурный компонент».

Понятие «социально-культурный компонент значения» было введено американским учёным Ч. Фризом [1], а в отечественном языкознании термин «культурный компонент значения» впервые употреблён Н.Г. Комлевым, который подчеркивал, что «признавая наличие какого-то внутреннего содержания слова, т.е. факта, что слово-знак выражает нечто, кроме себя, мы обязаны признать наличие культурного компонента, зависимость семантики от культурной среды индивидуума [2, с.46].

Онтология культурного компонента определяется, с одной стороны, спецификой картины мира конкретной эпохи, конкретной цивилизации, конкретной социальной системы, конкретной национальной культуры, конкретной субкультуры, а с другой стороны – универсальностью общечеловеческих ценностей.

Лингвистический статус культурного компонента определяется тем, что именно фиксирует соответствующее слово – непосредственные понятия, категории и объекты культуры или культурные ассоциации, вызываемые означаемым и сопровождающие его. В первом случае культурный компонент соотносится с ядром значения, являясь его денотативным значением, например, *самовар*. Во втором случае он представляет собой коннотацию. В качестве примера можно привести лексическую единицу *harp*. В одном из фрагментов романа Дж. Джойса «Дублинцы» автор сравнивает себя с арфой: «*My body was like a harp*», «...*her words were running upon the wires of the harp*» [3, с. 87]. Для англичанина – это просто образное сравнение. Но для ирландца этот музыкальный инструмент является своего рода национальным символом, который изображен на гербе страны.

Различные культуры производят деление реального мира по-разному. Это касается, например, ситуации, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – словесно выражается в разных языках. Рассмотрим, например, способы выражения того факта внеязыковой реальности, который по-русски называется *палец*. Чтобы назвать этот предмет по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду, так как у англичан пальцы руки, кроме большого, называются *fingers*, *большой палец* - *thumb*, а *пальцы ноги* – *toes*. Русскому словосочетанию *десять*

пальцев эквивалентно английское *eight fingers and two thumbs* (восемь пальцев и два больших пальца), а *двадцать пальцев* – это *eight fingers, two thumbs, and ten toes* (восемь пальцев, два больших пальца на руках и десять пальцев на ногах).

Приведенные примеры свидетельствуют о разных потенциях языков в области номинации. Культурные понятия должны получить в языке достаточно компактные, удобные наименования. Если такие наименования в языке отсутствуют, то не возникает и самого понятия.

Помимо разницы в выражении одних и тех же понятий, наблюдается и разница в лексической сочетаемости слов. Она национальна в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика становится очевидной только при сопоставлении языков. Так, русские сочетания *высокая трава, крепкий чай, сильный дождь* по-английски звучат как *длинная трава (long grass), сильный чай (strong tea), тяжёлый дождь (heavy rain)*. По-русски рискуют не шеей (*to risk one's neck*), а головой, муха не стоит (*a fly stands on the ceiling*), а сидит на потолке, хлопают не в руки (*to clap hands*), а в ладоши.

Сопоставление языков с учётом культурного компонента вскрывает не только глубинные различия между тем, что стоит за словами в разных языках, но и между способами структурирования знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фриз, Ч. Значение и лингвострановедческий анализ словарей / Ч. Фриз. // Новое в лингвистике. Вып.4. – М : Иностранная литература, 1962. – С. 108–128.
2. Комлев, Н.Г. О культурном компоненте лексического значения слова / Н.Г. Комлев // Вестник МГУ. – №5. – Филология. – М : МГУ, 1966. – С. 45–51.
3. Joyce, J. The Dubliners / J. Joyce. – London : Harper Press, 2012. – 192 p.